

Влияние норм международного права на содержание и развитие российского законодательства в сфере деятельности по защите прав человека и гражданина

Аннотация. В статье освещены проблемы совершенствования российского законодательства в сфере защиты прав человека под воздействием норм международного права. Отмечается, что предпочтительным способом внедрения международных норм в российскую правовую систему является ратификация конвенций, пактов и т.д. с их последующей имплементацией (трансформацией). Подобное позволяет наиболее полно раскрыть сущность данных норм и разработать действенный внутригосударственный комплекс мер по защите прав человека. Также акцентируется внимание на том, что среди элементов международного права, оказывающих воздействие на содержание и развитие национального законодательства в сфере защиты прав человека, особое место занимают окончательные постановления Европейского Суда по правам человека. Несмотря на то, что в России, как и в других странах романо-германской правовой семьи, судебные прецеденты не считаются источником права, правовые позиции, содержащиеся в окончательных решениях Европейского Суда по правам человека, способствуют углубленной имплементации в российское законодательство норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Однако, на сегодняшний день отсутствует какой-либо универсальный и практически апробированный механизм реализации мер общего характера, направленных на исполнение решений Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: права и свободы человека, международное право, теория государства и права, нормы международного права, международные договоры, имплементация, трансформация, гармонизация, Европейский суд по правам человека.

DOI 10.17803/1994-1471.2017.74.1.193-202

В условиях современности Российская Федерация относится к странам, активно участвующим в процессе международно-правового сотрудничества в сфере защиты прав человека. Но если обратиться к истории, то видно, что долгое время наше государство, формально признавая и воспринимая международный опыт в данной сфере, не в полной мере пре-

творяло в жизнь его прогрессивные положения в пределах своих границ. Можно даже сказать, что многие права человека не являлись необходимым элементом существования российского общества. К тому же, включительно по 1993 г. в России отсутствовала легитимированная и сравнительно стройная концепция о соотношении международного и национального права.

© Дадашева Р. А., 2017

* Дадашева Рената Андреевна, преподаватель кафедры административного и финансового права Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академии ФСИН России) shiv-r@mail.ru
390000, Россия, Рязань, Сенная, 1

Продолжительное время все ограничивалось неутраченной полемикой в научных кругах, в частности, о способах практической реализации в российском законодательстве международных норм. Поэтому справедливо считать, что именно Конституция Российской Федерации впервые весьма четко и на столь высоком уровне закрепила один из первостепенных принципов, лежащих в основе формирования демократического правового государства: признание ратифицированных международных договоров и общепризнанных принципов и норм международного права, в частности, затрагивающих права человека, составной частью российской правовой системы. Данный принцип может проявляться в обязательном исполнении Россией положений ратифицированных ею международных договоров, регламентирующих права и свободы человека, а также в принятии мер, необходимых для гармонизации внутреннего законодательства и соответствующих международно-правовых стандартов. При обнаружении коллизий международные нормы превалируют над отечественными. В качестве исключения можно назвать ситуации, затрагивающие положения самой Конституции Российской Федерации.

Подчеркнем, что проблема влияния международного права на содержание и развитие российского законодательства в сфере деятельности по защите прав человека и гражданина обладает несомненной актуальностью. Во-первых, она связана с тем, что вопрос о защите прав человека уже давно вышел за пределы государственных границ. В частности, появилось значительное число интернациональных норм, подтверждающих наличие у физических лиц конкретных прав и обязанностей, попадающих в сферу международно-правового регулирования. Как результат, это порождает определенные последствия и для международной, и для национальной правовых систем. В одном случае это необходимость выработки единой концепции в отношении международной правосубъектности физических лиц; усовершенствование порядка и условий защиты их законных прав и интересов на международной арене. В другом — необходимость реализации междуна-

родных правовых стандартов в ходе осуществления законотворческой и правоприменительной деятельности. Во-вторых, актуальность заключается в невозможности государств современности, в том числе России, нормально существовать и развиваться при полной или частичной изоляции от мирового сообщества. Да и большинство вопросов подлежит успешному решению только при помощи добровольного, неукоснительного сотрудничества наибольшего числа стран. Нежелание же считаться с этим способно преобразовать локальные проблемы в широкомасштабный кризис.

В третьих, современное российское общество развивается в условиях несовершенной правовой базы в сфере защиты прав человека. Вследствие этого некоторые провозглашенные цели и приоритетные направления развития отечественной правовой системы не обеспечены достаточным объемом юридических ресурсов. Поэтому существует необходимость расширения и дальнейшего совершенствования в России комплекса средств, способных обеспечить эффективную юридическую защиту прав и свобод физических лиц. Также необходимо сделать максимально действенным и конструктивным сотрудничество российских государственных структур с международными институтами в сфере обеспечения прав и свобод человека. В-четвертых, нельзя не учитывать и то положение, что процесс международно-правовой интеграции весьма противоречив, и неизбежно возникают проблемы по поводу качества, эффективности, пределов влияния норм международного права на содержание и совершенствование системы российского законодательства в сфере провозглашения, соблюдения и защиты прав человека и гражданина. В данном контексте немаловажное значение приобретает выработка хорошо продуманных механизмов предупреждения и разрешения таких неблагоприятных ситуаций, а также эффективных способов адаптации международно-правового опыта к национальным реалиям. В-пятых, до настоящего времени не утихают дискуссии о возможности непосредственного действия в российской правовой системе международно-правовых норм, в том числе закрепляющих

и регулирующих права и свободы человека и гражданина.

Следует отметить, что возросшее значение международного права в сфере деятельности по защите прав человека и гражданина вовсе не свидетельствует об умалении роли национально-правового регулирования, как и его основополагающий принцип о добросовестном выполнении обязательств — *pacta sunt servanda* не означает наличие комплекса внутренних отношений, попадающих исключительно в сферу международно-правовой регламентации. Тем более, международные правовые стандарты далеко не идеальны и подчас имеют объективные недостатки: будь то установление обезличенных норм или недостаточное обращение внимания на возможности реализации тех или иных юридических положений в правовой системе конкретного государства.

На сегодняшний день основное влияние на содержание и развитие российского законодательства в сфере деятельности по защите прав человека и гражданина оказывают международные договоры, ратифицированные Россией, и общепризнанные принципы (нормы) международного права. Примечательно, что общепризнанные нормы и принципы могут существовать как в форме международных обычаев, так и в форме международно-правовых актов, независимо от статуса и наименования последних. И. И. Лукашук акцентировал внимание на том, что для общепризнанных норм (принципов), выраженных в форме международного обычая, государством, как правило, предусматривается генеральная трансформация, так как они содержат в себе универсальные правила, являются объективно необходимыми и редко вступают в противоречие с национальным правом. Для международных договоров, как одной из форм закрепления подобных норм, — предусматривается особый порядок трансформации, поскольку они далеко не всегда содержат исключительно общепризнанные нормы, и зачастую устанавливают много конкретных норм, способных породить коллизии с национальным правом¹. При этом

денонсация либо изначальное непризнание страной для себя юридической силы международного договора, не могут служить основанием для игнорирования содержащихся в нем общепризнанных норм и принципов.

Реализацию международных договоров во внутренней правовой системе обозначают терминами «трансформация» и «имплементация», имея при этом ввиду как общие, так и конкретные процедуры, предусмотренные в рамках данных способов. Но в любом случае для того, чтобы имплементируемый (трансформируемый) договор оказал действительно благотворное воздействие на содержание и развитие национального законодательства, необходимо чтобы предмет его правового регулирования был максимально полно воспринят соответствующими национальными нормативно-правовыми актами. С позиции формально-юридического критерия это означает, что, с одной стороны, положения международного соглашения могут быть детализованы (конкретизированы) во внутригосударственных нормативно-правовых актах, как принятых непосредственно в его исполнение, так и уже действующих, но требующих некоторой модификации в связи с ратификацией международного договора. С другой стороны, они могут быть включены в тот или иной национальный законодательный акт и в виде отсылки.

Следует отметить, что при имплементации путем отсылки применение внутригосударственной правовой нормы в ряде случаев становится недопустимым без обращения к первоисточнику, которым является соответствующий международный договор. При этом представляется возможным выделить несколько разновидностей отсылки:

1) отсылка к неопределенному кругу ратифицированных и опубликованных в установленном порядке международных договоров России, затрагивающих сферу защиты прав и свобод человека и гражданина. Например, ч. 5 ст. 3 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусматривает,

¹ Цит. по: Марченко М. Н. Источники права: учеб. пособие. М. 2014. С. 298.

что в случае, если международным договором установлены правила в сфере охраны здоровья, отличные от предусмотренных настоящим законом, то применяются правила международного договора;

2) отсылка к конкретным международным договорам. Так, ст. 5 Закона Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» закрепляет, что порядок содержания воинских захоронений определяется в соответствии с положениями Женевских конвенций от 12 августа 1949 г.

Наибольшее же практическое значение имеет способ гармонизации внутреннего и международного права при котором используются механизмы специальной трансформации (имплементации). Данный способ, как правило, характерен для случаев, когда международный договор определяет общее направление предпочтительного поведения, возможные способы решения возникшей проблемы; регламентирует значимость фактов, подлежащих правовому регулированию на внутренней арене страны и т.п. При этом принимаемые (подлежащие изменению) национальные законодательные акты не должны искажать исходный правовой смысл положений ратифицированного договора, но вместе с тем могут воспринимать лишь часть договорных норм. Последнее допустимо, если при присоединении к международному соглашению государством была сделана соответствующая оговорка. Однако в ряде случаев это также неприемлемо ввиду присутствия в тексте международного договора прямого запрета на оговорки. Подобные запреты содержатся в таких актуальных для мирового сообщества договорах, как Конвенция о правах ребенка, Европейская конвенция по предупреждению пыток и др.

В качестве наглядного примера специальной имплементации положений договоров в национальную правовую систему рассмотрим некоторые аспекты законодательного обеспечения прав лиц с ограниченными возможностями

здоровья. Так, 3 мая 2012 г. Россия ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. Во исполнение данного международного договора Федеральным законом «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации» от 7 июня 2013 г. № 124-ФЗ были внесены поправки в Воздушный кодекс Российской Федерации (далее — ВЗК РФ). В числе соответствующих нововведений можно отметить установление материальной ответственности перевозчика за повреждение или утрату вспомогательных средств передвижения инвалидов и иных лиц с ограничениями жизнедеятельности. Если подобный инцидент произойдет, то авиакомпания будет обязана возместить сумму, равную стоимости утраченного (поврежденного) специального средства передвижения².

Также необходимо отметить, что до принятия в июле 2013 г. поправок к ВЗК РФ, зачастую имели место случаи, когда люди с ограниченными возможностями не могли воспользоваться услугами авиаперевозчика лишь потому, что на борту самолета отсутствовало необходимое оборудование. На сегодняшний день эта проблема частично решена. Так, в соответствии со ст. 106.1 ВЗК РФ специально обученный авиаперсонал обязан оказывать бесплатную помощь пассажирам из числа лиц с ограниченными возможностями здоровья. Данная помощь может быть оказана, начиная с момента регистрации пассажира на рейс и заканчивая получением им багажа по прибытии воздушного судна. В частности, не способным передвигаться самостоятельно пассажирам из числа указанной категории лиц, авиакомпании обязаны предоставлять во временное пользование кресла-коляски и другие специальные средства передвижения. Соответственно, отказ в предоставлении услуг по воздушной перевозке лицу с ограниченными возможностями по причине отсутствия надлежащих технических средств на борту воздушного судна не допустим. Более того, операторы аэропортов должны обеспечить посадку такого пассажира

² Воздушный кодекс РФ от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ. П. 4 ст. 119. // Собрание законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

на воздушное судно и высадку из него, в том числе с использованием амбулифта³.

По нашему мнению, модернизация ВЗК РФ, осуществленная во исполнение положений Конвенции о правах инвалидов, позволила существенно повысить уровень защиты прав и свобод указанной категории лиц. А именно, был сделан значительный шаг вперед по устранению факторов, затрудняющих доступ к транспортным услугам людям с ограниченными возможностями здоровья.

В качестве еще одного примера имплементации положений международно-правовых актов в национальную правовую систему обозначим аспект законодательного обеспечения прав человека в уголовно-исполнительной системе. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 9 и ст. 23 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в качестве одного из основных средств исправления осужденных называется общественное воздействие, а также регламентируется возможность участия общественных объединений в осуществлении контроля за соблюдением прав человека и гражданина в исправительных учреждениях и т.д. Все это, в свою очередь, прямо вытекает из содержания п. 61 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, который гласит, что в обращении с заключенными не следует делать акцент на их изоляции от общества, а наоборот необходимо подчеркивать факт их принадлежности к социуму.

Помимо вышеуказанных эпизодов влияния международных договоров на содержание и развитие российского законодательства в сфере защиты прав и свобод человека можно привести множество аналогичных примеров. В связи с этим ограничимся простым упоминанием некоторых нормативно-правовых актов, которые, на наш взгляд, были приняты и (или) претерпели наиболее существенные изменения под воздействием положений конвенций, пактов, а равно протоколов к ним, ратифициро-

ванных Россией: Уголовно-процессуальный, Уголовный и Гражданско-процессуальный кодексы, Федеральные законы «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г., «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г., «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» от 23 февраля 2013 г. и др.

В продолжении рассматриваемого вопроса, необходимо отметить, что после ратификации Россией в 1998 г. Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., особое место среди элементов международного права, способных оказывать влияние на содержание и развитие национального законодательства в сфере защиты прав личности, заняли постановления Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). Это продиктовано тем, что работа ЕСПЧ одновременно заключается в непосредственной защите прав и свобод человека, а также в выявлении и оценке приводящих к их нарушению системных проблем в законодательной и правоприменительной деятельности внутригосударственных органов публичной власти. В последнем случае ЕСПЧ, во-первых, может выступать в качестве разработчика рекомендаций и даже правил для национальных судов в области совершенствования и дальнейшего развития системы защиты прав и свобод физических лиц. Во-вторых, решения ЕСПЧ выступают в качестве своеобразного стимула к реформированию национального законодательства в сфере защиты прав человека и гражданина. В этом плане примечательно Постановление Конституционного суда РФ № 2-П от 5 февраля 2007 г., в котором отмечено, что правовые положения Страсбургского суда, содержащиеся в постановлениях, принятых по делам в отношении России, и дающие толкование норм Конвенции 1950 г., должны учитываться федеральным законодателем, так как они являются составной частью действующей правовой системы России⁴.

³ Там же. П. 5 ст. 106.1 ; абз. 2, 4, 5 п. 7 ст. 106.1 ; абз. 2 п. 8 ст. 106.1.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П. «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 ГПК РФ в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан». П. 2.1. // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

Также представляет интерес указ Президента РФ № 657 от 20 мая 2011 г. «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», в соответствии с которым на Министерство юстиции РФ возлагается обязанность по проведению правоприменительного мониторинга в целях выполнения постановлений ЕСПЧ, в связи с которыми необходимо принятие, изменение или признание недействующими тех или иных законодательных и иных внутренних нормативно-правовых актов.

Одновременно с этим, решения ЕСПЧ, выносимые в адрес других стран-участниц Конвенции 1950 г., в определенной степени также могут быть учтены Россией при совершенствовании законодательной базы в сфере защиты прав человека. То есть происходит своеобразное раздвоение обязывающего значения решений ЕСПЧ, при котором для государства, выступающего стороной в споре они носят юридически обязательный характер в целом, а для других — рекомендательный и только в части, касающейся нормативного толкования основополагающих конвенционных положений. Однако как в первом, так и во втором случае корректировки законодательства приемлемы лишь тогда, когда они однозначно позволяют повысить уровень защиты прав личности в стране, и при этом не причиняют ущерб равнозначным конституционным ценностям. Рассмотрим подробнее способы влияния постановлений ЕСПЧ, принятых по делам в отношении России, на содержание и развитие отечественного законодательства в сфере защиты прав человека.

Так, одним из наиболее часто встречающихся нарушений Европейской конвенции, усматривающихся Страсбургским судом в делах против Российской Федерации, является несоблюдение ст. 6, провозглашающей право каждого на справедливое судебное разбирательство. Например, длительное время акцентировалось внимание на затрудненном и длительном характере исполнения судебных решений, вынесенных по искам против публичных образований, в результате чего в 2009 г. Страсбургский суд принял первое «пилотное» постановле-

ние в отношении России. Согласно этому постановлению помимо прочего, нашему государству рекомендовалось разработать действенный комплекс средств правовой защиты, направленных на обеспечение адекватного и достаточного возмещения в случае неисполнения, либо ненадлежащего исполнения решений внутренних государственных судов⁵. Соответствующей формой реализации стало принятие 30 апреля 2010 г. двух федеральных законов: № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и № 69-ФЗ, внесшего дополнительные изменения в отдельные национальные законодательные акты. Необходимо отметить, что второй из обозначенных федеральных законов выступил дополнением к первому.

В этой связи необходимо осветить и вопрос о соблюдении в России принципа правовой определенности, вытекающего из той же ст. 6 Конвенции 1950 г. Влияние правовых позиций ЕСПЧ в данной сфере привело к существенной корректировке гражданского процессуального и уголовного процессуального законодательства. В декабре 2010 г. были приняты Федеральные законы № 353-ФЗ и № 433-ФЗ, внесшие изменения в ГПК РФ и УПК РФ соответственно, установив таким образом новые правила и порядок производства в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанции. В частности, если ранее допускалось выполнение отдельных процедур апелляции кассационными инстанциями, рассматривающими жалобы как по вопросам факта, так и права, то после вступления в силу указанных нормативно-правовых актов оно стало невозможным. Что касается надзора, то он преобразовался в экстраординарный способ проверки судебных постановлений. Продолжением обозначенных законов выступил ФЗ от 7 февраля 2011 г. «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». Его принципиальная новелла — введение полномасштабного института пересмотра дел в апелляционном порядке.

По нашему мнению, благодаря всем вышеуказанным изменениям формально были выпол-

⁵ Постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов (Burdov) против России (№ 2)». П. 141 // СПС «КонсультантПлюс».

нены рекомендации Страсбургского суда по преобразованию российской системы судостроительства и судопроизводства, направленного как на выполнение страной требований эффективной защиты прав личности, в том числе, посредством обеспечения законности и обоснованности выносимых судебных решений, предотвращения судебной волокиты, так и на сокращение числа жалоб, подаваемых в ЕСПЧ. Все изложенное свидетельствует о совершенствовании правовых механизмов реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина. Однако, в настоящее время еще нельзя говорить о том, что это действует в полную силу и не имеет явных недостатков. Например, в постановлениях Страсбургского Суда от 17 апреля 2012 г. по делам «Kalinkin and others v. Russia» и «Ilyushkin and others v. Russia» однозначно указано на ограниченность и неэффективность Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68, принятого во исполнение указаний, содержащихся в «пилотном» постановлении по делу «Burdov v. Russia (№ 2)» от 15 января 2009 г. Проблема в том, что данный закон позволяет получить компенсацию исключительно за нарушение права на исполнение судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства соответствующих бюджетов отечественной бюджетной системы, но не судебных актов, которые государство должно исполнить в натуре. То есть вполне очевидно, что принятые меры все же носят частичный характер.

Еще один комплекс систематических нарушений Россией Конвенции 1950 г., предопределивший реформирование национального законодательства в сфере деятельности по защите прав физических лиц, затрагивает сразу три ее статьи: ст. 3, посвященную проблеме пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения; ст. 5, закрепляющую право на свободу, личную неприкосновенность; ст. 13 о необходимости эффективных средств

правовой защиты. Во многих случаях такой негативный исход обусловлен признанием ненадлежащими условий содержания под стражей в сочетании с отсутствием результативных средств, позволяющих либо незамедлительно прекратить связанные с этим значительные неудобства, либо по окончании содержания под стражей получить соразмерную с причиненным вредом компенсацию. Ведь действительно, переполненность и антисанитария в камерах при не всегда адекватной продолжительности периода заключения в них, отрицательно сказываются как на физическом, так и моральном состоянии человека, неизбежно провоцируя различные страдания и унижения. Так, первое решение Страсбургского суда, затронувшее именно эту сторону рассматриваемой проблемы было вынесено еще в 2002 г. в связи с жалобой, поданной В. Е. Калашниковым⁶. Впоследствии с каждым годом число подобных обращений оставалось неизменно высоким, а ситуация все более усложнялась. В итоге, в начале 2012 г. ЕСПЧ принял второе по счету «пилотное» решение по России. На этот раз — по делу «Ananyev and others v. Russia», в котором в очередной раз признал нарушение ст. 3, 13 Европейской конвенции, а также обязал российские власти обеспечить действенные компенсационные и превентивные средства правовой защиты лиц, оказавшихся в бесчеловечных и унижающих достоинство условиях содержания в следственных изоляторах (СИЗО)⁷. Нельзя сказать, что все это время в России не проводились соответствующие преобразования законодательного и организационного характера, напротив, их было довольно много. Например, во исполнение постановлений ЕСПЧ по делу «Kalashnikov v. Russia», «Smirnova v. Russia», а также ряда других постановлений ЕСПЧ был изменен порядок применения меры пресечения в виде заключения под стражу и продления сроков содержания под стражей.

⁶ Постановление ЕСПЧ от 15 июля 2002 г. по делу «Калашников (Kalashnikov) против России» // Европейский Суд по правам человека. Первые решения по жалобам из России (сборник документов). М.: 2004. С. 88—115.

⁷ Постановление ЕСПЧ от 10 января 2012 г. по делу «Ананьев и другие (Ananyev and Other) против России» (жалоба № 42525/07, 60800/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 8. С. 7, 96—152.

В частности, ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 8 декабря 2003 г. ч. 1 ст. 108 УПК РФ была дополнена указанием на обязательный учет и отражение в постановлении судьи конкретных, фактических обстоятельств, на основании которых судья пришел к выводу о необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Примечательно, что для определения и упорядочения дальнейших преобразований межведомственная рабочая группа в 2012 г. разработала, а затем представила Комитету Министров Совета Европы План действий по исполнению вышеупомянутого «пилотного» постановления с описанием стратегии реформы и уже принятых мер, направленных на решение выявленной проблемы. Помимо дальнейшего улучшения условий содержания в СИЗО в нем большое внимание уделяется следующим мерам⁸: а) выработка сбалансированного подхода к избранию мер пресечения в отношении подозреваемых (обвиняемых), в том числе посредством расширения использования альтернативных мер пресечения; б) создание внутренних превентивных и компенсаторных средств правовой защиты, совершенствование уже существующих. Отметим, что данный План касается исключительно условий содержания под стражей, но не касается соответствующих условий содержания в местах лишения свободы.

Таким образом, начатый более десятилетия назад процесс по созданию и совершенствованию средств правовой защиты, направленных на устранение бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, а также иных связанных с этим нарушений, продолжается до сих пор. Можно предположить, такое положение связано с тем, что Российская Федерация в силу финансовых, юридических,

организационных и других объективных причин просто не имеет возможности быстро и эффективно привнести в свою правовую систему необходимые международные и европейские стандарты и рекомендации, а равно полностью обеспечить их надлежащее исполнение на территории страны.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время в России отсутствует универсальный и надлежащим образом регламентированный процесс по принятию, отмене или преобразованию внутренних нормативных правовых актов в связи с необходимостью исполнения постановлений ЕСПЧ, а также до конца не определено место последних в российской правовой системе. На наш взгляд, по второму вопросу наиболее приемлемой является точка зрения, высказанная К. Ю. Аверьяновым. Согласно ей в условиях происходящей юридической глобализации факт принадлежности отечественной правовой системы к романо-германской правовой семье вовсе не свидетельствует о невозможности признания судебных прецедентов в качестве источников права России⁹. Отрицание этого нередко создает условия для возникновения острых коллизий между правовыми позициями, содержащимися в постановлениях Страсбургского суда, и положениями внутригосударственных законодательных и интерпретационных актов. В качестве иллюстрации такого примера можно указать ситуацию, возникшую в результате вынесения ЕСПЧ постановления по делу К. А. Маркина о нарушении ст. 8, 14 Европейской конвенции¹⁰. Как известно, данное решение спровоцировало ряд негативных действий. Например, внесение в Государственную Думу РФ 16 июня 2011 г. двух законопроектов, весьма ограничивающих исполнимость и обязательность постановлений ЕСПЧ. Несмотря на то, что проекты не получили своей

⁸ Промежуточный отчет / План дальнейших действий по исполнению «пилотного» постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 42525/07 и 60800/08 «Ананьев и другие против России» (вынесено 10 января 2012 г., вступило в силу 10 апреля 2012 г.) <<http://minjust.ru/ru/node/4791>> (последнее посещение — 28 октября 2016 г.).

⁹ См.: Аверьянов К.Ю. Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников (форм) права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2013. С. 20.

¹⁰ См.: Постановление ЕСПЧ от 7 октября 2010 г. по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против России» // СПС «КонсультантПлюс».

реализации, ситуация, сложившаяся вокруг упомянутого постановления, по сегодняшний день вызывает массу споров и до конца не разрешена. Поэтому целесообразной представляется необходимость принятия специального федерального закона, призванного регулировать внутренний механизм реагирования государства на постановления ЕСПЧ по российским делам. До тех пор можно использовать принцип, согласно которому при возникновении коллизий между российской Конституцией, федеральными конституционными законами и правовыми позициями Конституционного Суда РФ с одной стороны и постановлениями ЕСПЧ, содержащими толкование норм Конвенции или рекомендации по совершенствованию национального законодательства, с другой стороны, предпочтение следует отдавать нормам, предусматривающим более высокий уровень гарантий прав человека. При этом в случае явного противоречия выводов, содержащихся в решениях Страсбургского суда, основополагающим конституционным ценностям, Россия вправе не предпринимать соответствующие меры общего характера.

В заключении хотелось бы обратить внимание на то, что в процессе гармонизации российского законодательства и международно-правовых стандартов в сфере защиты прав человека приемлемо руководствоваться универсальным алгоритмом. По нашему мнению, данный алгоритм может включать в себя семь взаимосвязанных и взаимообусловленных этапов, центральный из которых охватывает законотворческую деятельность по приведению национального законодательства в соот-

ветствие с положениями конкретных международно-правовых актов, а также с общепризнанными принципами и нормами международного права:

1) определение критериев гармонизации в соответствии с форматом и содержанием международных правовых актов;

2) анализ национального законодательства в сфере защиты прав и свобод человека с целью определения и оценки его соответствия положениям конкретных международных правовых актов, а равно общепризнанным принципам и нормам международного права;

3) анализ и прогнозирование правовых последствий реализации конкретных международно-правовых норм на внутригосударственном уровне, в том числе в части сохранения целостности национальной правовой системы;

4) осуществление конкретных юридических действий по приведению внутригосударственного законодательства в соответствие с положениями конкретных международно-правовых актов, а равно с общепризнанными принципами и нормами международного права;

5) применение гармонизированных нормативно-правовых актов при регулировании правоотношений между субъектами национального права;

6) оценка результатов гармонизации норм международного и внутригосударственного права;

7) определение направлений и содержания последующих действий по гармонизации норм внутригосударственного и международного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аверьянов К. Ю.* Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников (форм) права России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

2. *Марченко М. Н.* Источники права: учеб. пособие / М. Н. Марченко. М. : Норма, Инфра-М, 2014.

Материал поступил в редакцию 11 февраля 2016 г.

**THE INFLUENCE OF INTERNATIONAL LAW ON
THE CONTENT AND DEVELOPMENT OF THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF
HUMAN AND CIVIL RIGHTS PROTECTION**

DADASHEVA Renata Andreevna

Lecturer at the Department of Administrative and Finance Law
at the Academy of Law and Management of Federal Enforcement Service (Academy of the Federal Enforcement Service)
shiv-r@mail.ru
390000, Russia, Ryazan, Sennaya Str., 1

Review. *The article highlights the problem of improving the Russian legislation in the sphere of human rights protection under the influence of the norms of international law. It is noted that the preferred way to implement international standards in the Russian legal system is the ratification of conventions, covenants, etc. and their subsequent implementation (transformation). Such things make it possible to most fully reveal the essence of these norms and to develop an effective domestic set of measures for the protection of human rights. The focus also made on the fact that among the elements of international law affecting the maintenance and development of national legislation in the sphere of human rights protection, a special place is occupied by the final judgments of the European Court of human rights. Despite the fact that in Russia, as in other countries of the Romano-Germanic legal family, judicial precedents are not considered a source of law, the legal positions contained in the final decisions of the European Court of Human Rights, contribute to the in-depth implementation of the provisions of the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950 into the Russian legislation. However, to date there is no universal mechanism for the implementation of approved and almost general measures aimed at execution of the judgments of the European Court of Human Rights.*

Keywords: *human rights and freedoms, international law, theory of state and law, international law, international treaties, implementation, transformation, harmonization, the European Court of Human Rights.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aver'janov K. Ju. Reshenija Evropejskogo Suda po pravam cheloveka v sisteme istochnikov (form) prava Rossii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2013.
2. Marchenko M. N. Istochniki prava: ucheb. posobie / M. N. Marchenko. M. : Norma, Infra-M, 2014